

УДК 291.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547

EDN КСТЕНР

Региональная специфика мусульманской религиозности в Среднем Поволжье по данным советской социологии религии

Кильдеев М.В.

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Российская Федерация, 420081, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Николая Ершова, д. 58
makhmud_e@rambler.ru

Аннотация. Ретроспективное социологическое изучение проблемы региональной религиозной специфики сегодня актуально в условиях дефицита историко-этнографических и религиоведческих источников по теме. Цель исследования – раскрыть региональную специфику мусульманской религиозности в Среднем Поволжье, указав ее социологически фиксируемые признаки. На наш взгляд, корни современного поволжского ислама, его отличия от условных «кавказского» или «среднеазиатского» следует искать как в историческом прошлом, так и в 70-летнем периоде социализма. Исследование основано на социологических материалах республик и областей Среднего Поволжья, полученных в период с 1965 по 1990 годы. Использованы результаты проведенного автором в 2020 году социологического опроса среди татарского населения г. Казани. Применены разработанные в западной социальной психологии типологии религиозности. При ретроспективном анализе эмпирических данных зафиксировано существование в советских условиях таких явлений, как латентная или приватная, то есть недемонстрируемая публично религиозность, адаптивность, фемининность религиозности. Латентная религиозность социологически фиксируется как аномально низкий уровень религиозности в молодых возрастных категориях. Полученные результаты вносят вклад в изучение современной этноконфессиональной ситуации в регионе.

Ключевые слова: типы религиозности, «латентная» религиозность, женская религиозность, ислам в Среднем Поволжье

Для цитирования: Кильдеев М.В. 2025. Региональная специфика мусульманской религиозности в Среднем Поволжье по данным советской социологии религии. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(3): 536–547. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547. EDN: КСТЕНР

Regional Specificity of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region According to the Soviet Sociology of Religion

Mansour V. Kildeev

Kazan Institute of Cooperation, branch of Russian University of Cooperation
58 N. Yershov St, Kazan 420081, Republic of Tatarstan, Russian Federation
makhmud_e@rambler.ru

Abstract. Retrospective sociological research into regional religiosity specificity is especially relevant in the context of a shortage of historical, ethnographic and religious sources. The purpose of the study is to reveal the specifics of Muslim religiosity in the Middle Volga region. In our opinion, the roots of modern Volga Islam and features differing it from the conventional “Caucasian” or “Central Asian” counterparts should be sought in the past 70-year historical period of Soviet socialism. The article is based on the materials of the 1965–1990 Soviet era sociological research conducted in the Middle Volga region, as

well as on the findings of the 2020 sociological survey among the Tatar population in a suburban residential area of Kazan. The study also relies on the typologies of religiosity developed in Western psychology of religion. A retrospective analysis revealed the existence in Soviet conditions of such specific phenomena as latent and private religiosity, adaptability, and femininity in religiosity. Latent religiosity is sociologically recorded as an abnormally low level of religiosity in the young. The research findings may contribute to the study of the ethno-confessional situation in the Volga-Urals region.

Keywords: types of religiosity, “latent” religiosity, female religiosity, Islam in the Middle Volga region

For citation: Kildeev M.V. 2025. Regional Specificity of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region According to the Soviet Sociology of Religion. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(3): 536–547 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-3-536-547. EDN: KCTENP

Введение

Ряд авторов полагают, что в Среднем Поволжье сложился региональный вариант ислама, который обозначается как «поволжский» или «татарский» [Якуп, 2005, с. 115; Мухетдинов, 2005]. Его национальную специфику отмечают также исследователи этнографии тюркских народов, придерживающихся одного с татарами ханафитского мазхаба [Ярлыкапов, 2006]. В настоящий период усиливающаяся миграционная активность народов России и бывшего СССР привела к проникновению кавказских и среднеазиатских мусульман на территорию Среднего Поволжья и Приуралья. Одновременно в мусульманской среде появилось определенное напряжение, связанное в том числе и с тем, что мигранты приносят с собой некоторые особенности религиозной жизни своих стран [Попов, Старостин, 2016, с. 29]. В связи с этим усилился интерес исследователей к региональным формам бытования ислама [Мухаметшина, 2014; Аминев, Ямаева, 2020].

Для анализа современных конфессиональных процессов необходимо более детальное изучение источников советского периода, причем не только историко-политических и церковных, но и социологических. Отметим, что в советские времена по воле заказчика – партийных органов КПСС – не все социологические данные публиковались. Не принято было писать, например, о молодежной религиозности или об «интеллигентской». Поэтому почерпнутые из архивных дел данные позволяют дополнить картину мировоззренческого разнообразия советского общества.

В научной литературе преобладает достаточно одностороннее представление о «советском» исламе. Упоминая эту тему, современные исследователи – историки и религиоведы, пишут о прерывании религиозной традиции, об «аномальности», архаизации и «деинтеллектуализации» ислама, об обрядовом характере религиозности, о «бездуховности» советского общества и т. д. [Мухаметшин, 2005; Миннуллин, 2003] Специфика ислама народов СССР сводится авторами к тому, что это «бытовая» или «традиционная», в веберовском понимании, религия, причастность верующих к которой достигалась участием в совместных ритуалах. Такие характеристики предмета, как правило, сформированы под влиянием советской атеистической парадигмы, в которой религиозность рассматривалась как явление, лишённое будущности.

Предмет данного исследования – региональная мусульманская религиозность в Среднем Поволжье в позднесоветский и постсоветский периоды. Цель исследования – раскрыть региональную специфику мусульманской религиозности в Среднем Поволжье, указав ее социологически фиксируемые признаки.

Методологические и теоретические основы исследования проблемы

Основу мусульманской религиозности составляет система вероучения, сложившаяся к X веку и с тех пор мало изменившаяся. Она включает в себя, прежде всего признание Аллаха и его посланника Пророка Мухаммеда. В тесной связи с ним находятся четыре

практических требования, которые должны выполняться мусульманами неукоснительно: намаз (молитва); ураза (пост), закят (милостыня, имущественные отчисления в пользу бедных) и хадж (паломничество в Мекку) [Кильдеев, 2017, с. 66]. Следующий компонент религиозности – обрядово-культовая система, которая в процессе исторической эволюции ислама претерпевала изменения. В осуществлении ритуалов и обрядов не исключены специфические особенности, характерные для той или иной местности. Локальная специфика довольно сильно выражена во всем исламском мире, что не мешает осознанию его единства как *уммы*. В историко-этнографической литературе в последние годы активно рассматривается региональная специфика мусульманских верований, традиций и обычаев, которые адаптировались к советским реалиям и частично дошли до наших дней [Агишев, Бареев, 2020; Мухаметшина, 2014].

Наиболее динамичным, постоянно меняющимся компонентом религиозности является регулирующая жизнь верующих система социально-моральных принципов и нормативно-регулятивных предписаний, которые также воспринимаются как часть религии. В условиях трансформации общества социально-экономические, моральные и политические принципы и предписания ислама получают новое отображение, влияя на социальное поведение верующих и их образ жизни.

Для проблемы региональной специфики религиозности особое методологическое значение имеет социологический подход к религии, основанный на трудах М. Вебера. Основоположник социологии религии Вебер, не вдаваясь в изучение явлений, выходящих за пределы опыта, во-первых, характеризовал религию как мотивирующий и смыслополагающий фактор в деятельности людей. Во-вторых, он настаивал, что социологический подход должен быть основан на эмпирических данных, подразумевая их достаточно длительный и систематический сбор [Вебер, 1990, с. 628]. И, добавим, в-третьих, в современной социологии религии осмысление религиозных феноменов осуществляется в специальных, ценностно нейтральных терминах, центральным из которых является понятие «религиозность». В советские времена этот научный подход, со многими оговорками, в целом был реализован. Начиная со второй половины 1960-х годов были осуществлены масштабные, комплексные, теоретически обоснованные в марксистской парадигме проекты по изучению мировоззренческих ориентаций населения СССР. В более ранний период для отечественного обществоведения, по словам западногерманского социолога Р. Альберга, были характерны абстрактные дедукции и генерализации без конкретного информационного содержания [Ahlberg, 1989]. Важными преимуществами применения социологического подхода стало то, что под теоретические выводы стала подводиться надежная почва конкретно-эмпирических исследований. Поэтому работы региональных авторов-социологов [Балтанов, 1973; Соловьев, 1987] резко контрастируют с прежними, во многом схоластическими, трудами на темы научно-атеистического воспитания.

В Среднем Поволжье мусульманская религиозность так или иначе затрагивается социологическими исследованиями проблем «атеистического воспитания», проведенными в период с 1965 по 1990 годы [Кильдеев, 2017, с. 69]. Данные этих исследований являются источником не только для количественной характеристики региональной мусульманской религиозности (то есть о ее укорененности в различных социальных стратах), но и для ее качественной характеристики, которая не всегда становится предметом социологического анализа.

В социологии для качественной характеристики религиозности применяется понятие «тип религиозности». В классической социологии религии выделяют, например, «регулярный» тип религиозности, ориентированный на священные тексты и их толкования, и «харизматический», предполагающий ориентацию на религиозные переживания и на некоего «живого лидера»; «высшие» и «низшие» типы религиозности [Метлицкая, 2020, с. 28]; мистический и аскетический, «социальный» и «духовный» типы [Самарина, 2018, с. 106]. Типологии указывают на те или иные компоненты, которые

образуют современную религиозность. Г. Олпорт выделяет «внешний» и «внутренний» тип религиозности. На взгляд Г. Олпорта религиозные чувства большинства людей незрелы и утилитарны. «Внешняя», неразвитая религиозность присуща людям, для которых их религиозность – средство достижения нерелигиозных жизненных целей («для удобства в семье, для личностного комфорта»). Посещение церкви, участие в религиозных обрядах, в деятельности религиозных организаций, внешнее благочестие являются для них средствами доказать свою социальную респектабельность, лояльность по отношению к общепринятому образу жизни [Allport, 1968, p. 149]. «Внутренняя», подлинная религиозность присуща тем верующим, которые руководствуются в жизни религиозной верой, подчиняя свое поведение религиозным нормам и предписаниям. У подлинно верующих в большей степени преобладают такие чувства, как терпимость, милосердие, эмпатия, связанное с этим принятие людей с иным религиозным мировоззрением и иной системой ценностей [Allport, 1968, p. 233]. В конечном счете, цель данной типологии – показать функциональность религиозных идей в современном секуляризованном западном обществе. При этом религиозный фанатизм и экстремизм, нетерпимость к религиозным диссидентам и иноверам оставляются Олпортом за скобками как дисфункциональные явления.

Необходимо обозначить подходы иных общественных дисциплин (исламоведения, истории, этнографии), которые изучают религию сравнительно-историческим методом. Для понимания мусульманской религиозности этими дисциплинами методологически важно различение двух уровней в исламе: «неофициального» или «параллельного» и «официального», которое ввел автор труда «Мусульмане в СССР» А. Беннигсен [1983]. Исследователи, рассматривая «советский» ислам в регионе в зависимости от методологического фокуса расценивают его как аномальное и преходящее явление либо как самостоятельное и функциональное.

«Внутреннее» исламоведение в стране после 1991 года как самостоятельная дисциплина формируется практически заново [Сапронова и др., 2020, с. 124]. Академические исламоведы, тяготеющие к изучению богословия, и историки, специализирующиеся на истории официального духовенства, категорично описывают состояние мусульманской религиозности в советском Среднем Поволжье как неполноценное и аномальное. По мнению Р.М. Мухаметшина, «...ислам архаизировался», а отсутствие системы мусульманского образования повлекло за собой «общую деинтеллектуализацию ислама» [2005, с. 43]. И.Р. Миннуллин пишет об утрате в годы советской власти преемственности в религиозной мусульманской традиции [2003, с. 2]. Исламоведы, специализирующиеся на изучении современных течений в исламе, и этнографы, напротив, усматривают в региональном исламе непрерывную качественную специфику [Якупов, 2005, с. 115; Мухетдинов, 2005; Ярлыкапов, 2006].

В работе используется методология архивно-социологического исследования. Для оценки актуального состояния проблемы использованы результаты авторского опроса, проведенного в 2020 году. В нем приняли участие горожане-татары – жители одного из окраинных жилых массивов г. Казани [Кильдеев, 2024]. Метод исследования – телефонное интервью, опрошено 104 человека в возрасте от 54 до 87 лет (1966 года рождения и старше). Применение подобной опросной методики для изучения ретроспективных вопросов религиозности ранее успешно применялось в постсоветской социологии [Каарияйнен, Фурман, 2007].

Латентность и приватность как часть специфики советского ислама в Среднем Поволжье

Социальной нормой для религиозной личности в традиционном обществе является *набожность* – глубокая религиозная вера, со строгим соблюдением обрядов и предписаний. В советских реалиях развилось такое явление как латентная, то есть

недемонстрируемая публично религиозность, недоступная для изучения обычными для исследователей методами наблюдения или анализа печатных источников.

В имеющихся в нашем распоряжении социологических данных 1960–1970-х годов обращает на себя внимание то, что они фиксировали аномально низкую религиозность в младших возрастных категориях при сохранении религиозности в более старших категориях. Так, согласно итогам исследования, проведенного в 1966 году университетскими социологами среди населения г. Казани, доля верующих в возрастных категориях до 30 лет не превышала 2–3 процентов¹. Двумя десятилетиями позднее, по результатам аналогичного исследования, проведенного 1989 году, в возрастных когортах, которые на 1966 год входили в категорию «молодежи», верующих оказалось на порядок больше (17–26%).² Латентная религиозность была свойственна не только мусульманам Среднего Поволжья. Латентной религиозностью части молодого поколения объясняют сегодня стабильность численности православных верующих в период 1940–1970-х годов [Сергеева, 2016, с. 10].

Скрывающие свои убеждения, «верующие в душе» мусульмане – это чисто советское явление, причем более свойственное европейской части СССР. Исследователи из республик Средней Азии, например социолог из Каракалпакии Ж. Базарбаев, возражали по поводу причисления не соблюдающих обряды к верующим мусульманам: «Чтобы стать подлинно верующим, человек должен не только внутренне воспринять веру, но и непрестанно материализовывать ее как в своих обрядах, так и в тех конкретных требованиях, которые будто бы предъявлены людям от имени Аллаха» [Базарбаев, 1973, с. 96]. В этом заочном споре налицо разница в религиозном менталитете двух регионов, в одном из которых мусульмане находились на положении религиозного меньшинства, в другом – были доминирующим населением.

Советские социологи, характеризуя тип религиозности советских верующих, как правило, сходились во мнении, что эта религиозность носит не совсем «правильный» характер. Из советских авторов об «аномальности» региональной мусульманской религиозности довольно определенно высказался казанский социолог Р.Г. Балтанов: «у нас нет верующих классического типа» [Балтанов, 1973, с. 95]. Господствовала точка зрения об утилитарном – «обрядовом», ритуальном, имитационном характере религиозности [Атеизм в СССР, 1986, с. 94–95]. Считалось, что участники обрядов, особенно молодежь, руководствовались не религиозными мотивами, а ситуативными утилитарными соображениями. Исследователь религиозности татар Горьковской области А.М. Орлов в свое время критиковал точку зрения об утилитарной обрядовости как основе мусульманской религиозности [Орлов, 1973, с. 77]. Его опрос среди татарской молодежи Горьковской области показал, что молодые верующие были хорошо знакомы с категориями мусульманского вероучения, и осознанно связывали их с морально-этической сферой [Орлов, 1973, с. 87].

Антирелигиозная направленность системы образования и воспитания сохранялась вплоть до отмены в марте 1990 года 6-й статьи Конституции СССР и прекращения действия партийных постановлений о «научно-атеистическом воспитании». С этого момента для конфессий начинается период «религиозного возрождения», что отразилось и на характере религиозности. В городах Среднего Поволжья ислам развивает высокую социальную активность, вокруг него создаются общественно-политические, благотворительные, просветительские, издательские организации. Религиозность из приватной возвращается в публичную сферу. Наблюдаются и другие изменения: размывается этнический характер религии, из-за рубежа проникают новые формы

¹ «Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани». Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 263, 264.

² ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626. Л. 47.

религиозной жизни. Однако черты, сложившиеся в ту эпоху, по-прежнему находят отражение в современной религиозной жизни.

Как показало авторское исследование, всестороннее подавление религиозных чувств сказалось на религиозном поведении современных татар. Верующие на всю жизнь усвоили, что *«нельзя вслух говорить о своей вере» (Альфинур, 66 лет)*. Респонденты в качестве одного из важных качеств верующего человека называют сдержанность в проявлении религиозных чувств. *«Никто [при советской власти] не запрещал верить в Аллаха, [вера] была у каждого внутри... Татары все внутренне верили, но на улице никто об этом не рассказывал» (Рашидя, 71)*. При этом респонденты скептически характеризуют публичность веры и показную набожность, свойственные новым поколениям верующих (*«нельзя напоказ выставлять свою веру, вера должна быть в душе»*, Факия, 74 года).

По мнению Г. Олпорта, верующий может быть по-разному мотивирован к участию в религиозной жизни и проявлению собственной религиозности: мотивация бывает как внутренней, исходящей из личных, глубинных побуждений; так и внешней, выступая как форма адаптации индивида к социальной среде. Характеризуя «советский» ислам как регулятор морально-этической сферы жизни верующих следует учесть, что он не вписывался в рамки «внешней», утилитарной религиозности. Принадлежность к верующим, а тем более к верующим мусульманам, в советские годы не могла быть признана рациональным поведением. По сей день, с точки зрения отечественного обществоведения, глубоко верующий мусульманин – нерациональный индивид, поскольку добровольно налагает на себя ограничения, навлекает недоверие государственных структур, поступает вопреки светскому общественному мнению [Шишелякина, 2017].

Несмотря на ожидаемые стеснения, часть населения в условиях застоя именно в религии стала искать моральную поддержку. В исламе верующие в большей степени видели источник, противоположный позднесоветским энтропии и хаосу. Ислам рассматривался как фактор, традиционно способствующий формированию социально одобряемых социальных норм. Охватившие общество и государство патологические явления порождали неверие людей в справедливое устройство общества. Это стимулировало приток людей в религиозные общины. Опрошенные нами в 2020 году респонденты отрицательные, всем хорошо известные стороны советского образа жизни связывают с отсутствием религиозной веры *«Неверующие были кругом (езде)» («ханым», не представилась по имени, 80 лет)*. *«Многие из наших верующих соседей до сих пор живы, а неверующие, бездельники, пьяницы – на том свете» (Ахметгарей, 84 года)* [Кильдеев, 2024, с. 62]. Люди, воспитанные в мусульманских традициях, не допускали для себя иного образа жизни, кроме традиционного, поскольку не видели ему равноценной альтернативы.

Адаптивность

Исследование 1986 года в Казани и Арском районе показало, что большинство верующих татар не подтверждали свою религиозную веру предписываемым религиозным поведением, например, не читали намаза и не придерживались религиозного поста [Кильдеев, 2017, с. 66–67]. Здесь также сказывались навыки советского конформизма. В «классическом» исламе послабления допустимы только в случае болезни, беременности или преклонного возраста. Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири, напротив, избегало осуждения непоследовательных верующих и неоднократно издавало *фетвы*, освобождавшие от соблюдения поста работающих и несовершеннолетних [Петраш, Хамитова, с. 330]. Органы власти отмечали, что модернистское духовенство причисляет к мусульманам «все татарское население» и настаивает на полном «охвате его религиозной обрядностью»¹.

¹ Приложение к справке о работе Чистопольского горкома КПСС по атеистическому воспитанию. ЦГАИПД РТ. Ф.15 Оп. 8. № 1574а. Л. 176.

О степени адаптивности и конформизма советских верующих говорит и тот факт, что дети из верующих семей не уклонялись от вступления в пионерские организации и в комсомол, чей Устав обязывал членов вести «решительную борьбу» с «религиозными предрассудками». Об этом говорят данные, полученные А.М. Орловым [Орлов, 1977, с. 147]. Авторское исследование в Казани подтверждает данный факт. Большинство опрошенных нами (75%) ответили, что по крайней мере один из их родителей был религиозным человеком. При этом на вопрос о собственном членстве в комсомоле 90% респондентов дали утвердительный ответ.

Этнический характер религиозности

Социологические исследования позволяют установить картину дифференциации уровня религиозности в зависимости от региона и местности проживания. Социологические исследования, проведенные в 1960–70-х, показывают, что татары за пределами Татарии и Башкирии были религиознее своих соплеменников из обеих «мусульманских» автономий, и в целом, религиознее других народов этих регионов [Кильдеев, 2014, с. 136]. Условия для высокой религиозности татар в соседних областях и республиках мы связываем с конвенциональной практикой игнорирования местными властями факта существования неофициального ислама. На эту тему высказался уполномоченный Совета по делам религий по Чувашской АССР Б.А. Краснов: «Следует признать, что мусульманская религия в республике со стороны уполномоченных Совета оказалась в смысле внимания на второстепенном месте, т.е. по сути был нарушен принцип равноправия религиозных объединений. Сказалось монопольное положение русской православной церкви, которая требовала и требует значительных усилий со стороны уполномоченного в решении повседневных вопросов»¹. Ответным условием этой негласной договоренности становился отказ верующих от участия в инициативах по легализации религиозных общин.

Социологические исследования в городах Среднего Поволжья фиксировали моноэтничность мусульманских общин. В иноязычном этническом окружении городские мечети становились центром притяжения для татарского населения, то есть возрастало значение их коммуникативной функции. Ученый секретарь Института научного атеизма при ЦК КПСС Ю.П. Зуев отмечал, что действующие мечети в городах центрально-европейской части России служат представителям татарской национальности своеобразным «национальным клубом»².

Фемининность

Еще одна особенность региональной мусульманской религиозности в советские времена, подтверждаемая социологическими опросами – это численное преобладание женщин среди верующих [Ахметова, 1972, с. 50]. Данную особенность можно обозначить как «фемининность». В те времена не было принято, чтобы мечети посещались женщинами. Оперативный учет количества верующих мусульман власти осуществляли в дни религиозных праздников в официально действовавших мечетях. Это давало ограниченную статистику, так как учитывались только мужчины-верующие. В Татарской АССР посещение мечетей женщинами впервые фиксируется в 1968–1969 годах. В 1970 году женщины посещали мечети в Казани и Чистополе на таравих-намаз в последние дни месяца Рамазан³, но в праздничной молитве на Ураза-байрам и Курбан-байрам по-

¹ О деятельности мусульманских религиозных объединений на территории Чувашской АССР (1988). Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1857. Оп. 4. № 152. Л. 16.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. № 86. Л. 12.

³ Национальный архив Республики Татарстан (сокращенно – НА РТ). Ф. 871. Оп. 1. № 41. Л. 188.

прежнему не участвовали¹. При этом имамы и мужчины-верующие к их присутствию относились неодобрительно². В отдельных селах Ульяновской области женщины допускались до богослужения в дни религиозных праздников [Идиатуллов, 2010, с. 66]. В двух законно действовавших мусульманских общинах Чувашской АССР еще в 1983 году «женщин вообще не пускают в мечеть и их там никогда не видели»³. В то же самое время в мечети г. Москвы, Ташкента, Уфы женщины допускались беспрепятственно. В 14 мечетях Башкирской АССР в день Курбан-байрам в 1974 году женщины составили около 10 % участников праздничных богослужений⁴. Посещение мечетей было разрешено женщинам и в кавказских республиках. В Среднем Поволжье это новшество наталкивалось на противодействие прихожан, которые были настроены более консервативно, чем духовенство.

Большая степень религиозности среди женщин диагностирована исследованием 1966 года в Казани. Среди мужчин-татар верующие составили 15,8 %, среди женщин-татарок – 32,8 %. В русской подвыборке разрыв был еще сильнее, соответственно – 7,6 % мужчин и 27 % женщин [Балтанов, 1968, с. 89]. Дальнейшие исследования показали, что к концу 1980-х разрыв между женской и мужской религиозностью у татар сохраняется. В 1987 году среди татар – жителей Казани мужчин, верящих в существование Аллаха было 23 %, а среди женщин – 35 %⁵.

Обзор советской литературы по социологии религии, выполненный исследователем из США У. Флетчером, показал, что сбалансированность гендерной структуры общин была свойственна советским баптистам, меннонитам и пятидесятникам [Fletcher, 1981, р. 88]. Баланс полов в структуре религиозной общины соответствует положению религиозности как основе социальной жизни. Так, в этнической группе татар Нижегородской (до 1991 года – Горьковской) области, которая всегда отличалась сильными религиозными традициями, в 1971 году религиозность среди мужчин составила 40 %, среди женщин – 61 % [Орлов, 1974, с. 94].

Заключение

Нам удалось социологически выявить и подтвердить существование ряда специфических для мусульманской религиозности в Среднем Поволжье черт, таких как латентность и приватность, адаптивность, до некоторой степени «фемининность». Умалчивание респондентов в беседах с социологами о своей вере дает основания утверждать о существовании «латентной» или «приватной» религиозности. Вследствие мощного внешнего воздействия советские верующие, полагаясь на проповеди модернистского духовенства, реализовывали адаптивные тактики, позволявшие им поддерживать социальные связи с неверующими и иноверцами. «Фемининность» или преобладание женщин среди верующих также зафиксирована количественными данными. Эти обобщенные характеристики религиозности связаны с тем, что верующие вынужденно приспосабливались к советским социально-политическим реалиям. Вышеуказанные свойства отличают региональный мусульманский менталитет от условных «среднеазиатского» или «кавказского».

Полученные результаты вносят вклад в развитие темы религиозной этноспецифики в российских условиях. Наш взгляд, перспективным представляется дальнейшее изучение неофициальной религиозности, в том числе с помощью ретроспективных опросных методик.

¹ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 7. № 1843^а. Л. 15.

² НА РТ. Ф. 871. Оп. 1. № 41. Л. 188.

³ ГИА ЧР. Ф. 1857. Оп. 4. № 111. Л. 119.

⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 71. № 240. Л. 4.

⁵ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 934. Л. 7.

Список источников

- Атеизм в СССР: Становление и развитие. 1986. М., Мысль, 235 с.
- Идиатуллин А.К. 2010. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области. Дис... канд. ист. наук (07.00.07). Чебоксары, 253 с.
- Миннуллин И.Р. 2003. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930е гг. Автореферат дис... канд. ист. наук (07.00.02). Казань, 26 с.
- Орлов А.М. 1977. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде: (Исследования групп татар. населения в Горьк. и Пенз. обл.). Дис. ... канд. философских наук (09.00.06). Москва, 198 с.

Список литературы

- Аминев З.Г., Ямаева Л.А. 2020. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: Триумф. 224 с.
- Ахметова С. Дин тотучыны яхшы белергә. *Атеизмны – массага* [төз. А.Н. Калаганов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 49–62 бб. (на тат. яз.)
- Базарбаев Ж. 1973. Типология современных верующих мусульман. *Философские науки*, 3: 95–101.
- Балтанов Р.Г. 1968. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани. *Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма*. М.: 87–91.
- Балтанов Р.Г. 1973. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, Казанский университет, 251 с.
- Бареев М.Ю., Агишев Р.Р. 2020. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе. *Регионоведение*, т. 28, 2: 303–321.
- Беннигсен А.А. 1983. Мусульмане в СССР. Париж: Ymca Press: 90 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 808 с.
- Каариайнен К., Фурман Д.Е. 2007. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий. *Общественные науки и современность*, 2: 78–95.
- Кильдеев М.В. 2014. Уровень мусульманской религиозности населения в Среднем Поволжье и Приуралье по данным советских социологических исследований (1966–1991). *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, т. 32, 1: 131–150.
- Кильдеев М.В. 2017. Ранний этап развития отечественной социологии религии на примере социологического изучения мусульманской религиозности в Среднем Поволжье. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2 (46): 64–69.
- Кильдеев М.В. 2024. Городские особенности мусульманской религиозности в Среднем Поволжье. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 17(1): 53–68. DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68
- Метлицкая З.Ю. 2020. Генри Мор как критик "харизматической религиозности". *Философия религии: аналитические исследования*: т. 4, 1: 27–41. DOI: 10.21146/2587-683X-2020-4-1-27-41
- Мухаметшин Р.М. 2005. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, Татарск. кн-е изд-во, 246 с.
- Мухаметшина А.В. 2014. Ислам в Среднем Поволжье: общее и особенное. Казань, Татарск. кн. изд-во, 245 с.
- Мухетдинов Д.В. 2006. Мусульмане Поволжья: современная проблемная ситуация. *Ислам в современном мире: ежеквартальный альманах*, 1(3): 26–30.
- Орлов А. 1973. О характере и структуре пережитков ислама (по материалам социологических исследований среди татарского населения Горьковской области). *Проблемы исследования структуры религиозного сознания*. Тезисы докладов и выступлений. Горьковск. гос. пед. ин-т им. М. Горького. Горький: 76–93.

- Орлов А.М. 1974. Опыт исследования процесса секуляризации в татарских селах. *Вопросы научного атеизма*. Выпуск 16. М., Мысль: 89–102.
- Петраш Ю.Г., Хамитова Р.М. 1966. К характеристике процесса модернизации современного ислама в СССР. *Вопросы научного атеизма*. Выпуск 2. Модернизация религии в современных условиях. М., Мысль: 322–334.
- Попов Д.С., Старостин А.Н. 2016. Радикальный исламизм на Урале. *Россия и мусульманский мир*, 7: 28–32.
- Самарина Т.С. 2018. Теория уровней религиозности в классической феноменологии религии. *Религиоведение*, т. 2, 2: 101–109.
- Сапронова М.А., Чечевишников А.Л., Ярлыкапов А.А. 2020. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама. *Полис. Политические исследования*, 2: 122–136.
- Сергеева А.Н. 2016. Религиозность приватная vs религиозность публичная: эволюция религиозности в СССР/России. *Социально-политические науки*, 3: 7–13.
- Соловьев В.С. 1987. По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма, и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 159 с.
- Шишелякина А.Л., Бобров И.В. 2017. «Чужие» среди «своих»: о практиках ношения мусульманского платка в немусульманском российском регионе. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2(37): 146–154.
- Якупов В. 2005. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, Иман, 144 с.
- Ярлыкапов А.А. 2006. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа. *Этнографическое обозрение*, 2: 59–74.
- Ahlberg R. 1989. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung. *Osteuropa*. Vol. 39, 5: 478–496.
- Allport G.W. 1968. The Person in Psychology: Selected Essays. Beacon Press, 440 p.
- Fletcher, William C. 1981. Soviet Believers: The Religious Sector of the Population. Regents Press of Kansas, 259 p.

References

- Ahlberg R. 1989. Die Rehabilitierung der Soziologie in der Sowjetunion: Der Soziologie-Beschluß des Politbüros und seine Bedeutung. *Osteuropa*, v. 39, 5: 478–496.
- Akhmetova S. Din totuchyny yahshy belergə [To know a Believer well]. *Ateizmny – massaga*. [Collected by A.N.Kalaganov], Kazan, Tatar. kit. nəshr., 1972: 49–62. (in Tatar)
- Allport G.W. 1968. The Person in Psychology: Selected Essays. Beacon Press, 440 p.
- Aminev Z.G., Yamaeva L.A. 2020. “Bashkirskij islam”: istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie [“Bashkir Islam”: Origins, Evolution, Current State]. Moscow, Triumf, 224 p.
- Baltanov R.G. 1968. O nekotorykh itogakh vyborochnogo issledovaniya religioznosti u tatarskoi chasti naseleniya g.Kazani [On some Results of a Survey Study of Religiosity among the Tatar Part of the Population of Kazan] *Modernizatsiya islama i aktual'nye voprosy teorii nauchnogo ateizma. Abstracts of reports*. Institut nauchnogo ateizma. Moscow: 87–91.
- Baltanov R.G. 1973. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya. (Problemy konkretno-sotsiologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR) [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education.]. Kazan, Kazan university, 251 p.
- Bareyev M.Y., Agishev R.R. 2020. Regional'nye osobennosti nekotorykh traditsii i obycheev v sovremennom islame [Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam]. *Regionologiya*, v. 28, 2: 303–321. DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321
- Bazarbayev Z. 1973. Tipologiya sovremennykh veruyushchikh musul'man [Typology of Modern Muslim Believers]. *Filosofskie nauki*, 3: 95–101.
- Bennigsen A.A. 1983. Musul'mane v SSSR [Muslims in USSR]. Paris, Ymca Press, 90 p.
- Fletcher, William C. 1981. Soviet Believers: The Religious Sector of the Population. Kansas, Regents Press of Kansas, 259 p.
- Kääriäinen K., Furman D. E. 2007. Religioznost' v Rossii v 90-e gody 20 — nachale 21 veka. [Religiosity in Russia in the 90s of the 20th — Early 21 Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2: 78–95.

- Kildeyev M. 2014. Uroven' musul'manskoi religioznosti naseleniia v Srednom Povolzh'e i Priural'e po dannym covetskikh sotsiologicheskikh issledovaniy (1966–1991) [The Level of Muslim Religiosity in the Middle Volga and Ural Regions According to Soviet Sociological Surveys (1966–1991)]. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, v. 32, 1: 131–150.
- Kildeyev M. 2017. Rannij etap razvitiya otechestvennoj sociologii religii na primere sociologicheskogo izucheniya musul'manskoy religioznosti v Srednem Povolzh'e [The Early Stage of the Russian Sociology of Religion on the Example of the Studies of the Muslim Religiosity in the Middle Volga Area]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 2 (46): 64–69.
- Kildeyev M. 2024. Gorodskie osobennosti musul'manskoy religioznosti v Srednem Povolzh'e [Urban Features of Muslim Religiosity in the Middle Volga Region]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 17(1): 53–68. DOI 10.31660/1993-1824-2024-1-53-68
- Metlitskaya Z.Y. 2020. Genri Mor kak kritik "kharizmaticheskoi religioznosti" [Henry More as a Critic of "Charismatic Religiosity"]. *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya*, v. 4, 1: 27–41. DOI: 10.21146/2587-683X-2020-4-1-27-41
- Mukhametshin R.M. 2005. Islam v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v XX veke [Islam in the Social and Political Life of the Tatars and Tatarstan in the XXth century]. Kazan, Tatar Book Publishers, 246 p.
- Mukhametshina A.V. 2014. Islam v Srednem Povolzh'e: obshchee i osobennoe [Islam in the Middle Volga Region: General and Special]. Kazan, Tatar. book. publ., 245 p.
- Mukhetdinov D.V. 2006. Musul'mane Povolzh'ya: sovremennaya problemnaya situatsiya [Muslims of the Volga Region: Modern Problematic Situation]. *Islam v sovremennom mire: Quarterly Almanac*, 1(3): 26–30.
- Orlov A. 1973. O kharaktere i strukture perezhitkov islama (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy sredi tatarskogo naseleniya Gor'kovskoi oblasti) [On the Nature and Structure of the Remnants of Islam]. *Problemy issledovaniya struktury religioznogo soznaniya. Tezisy dokladov i vystuplenij*. Gor'ky: 76–93.
- Orlov A.M. 1974. Opyt issledovaniya protsessa sekulyarizatsii v tatarskikh selakh [Experience in Studying the Process of Secularization in Tatar Villages]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 16. Moscow, Mysl': 89–102.
- Petrash Y.G., Khamitova R.M. 1966. K harakteristike processa modernizatsii sovremennogo islama v SSSR [On the Characteristics of the Process of Modernization of Modern Islam in the USSR]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 2. Modernizatsiya religii v sovremennykh usloviyakh. Moscow, Mysl': 322–334.
- Popov D.S., Starostin A.N. 2016. Radikal'nyj Islamizm na Urale [Radical Islamism in the Urals]. *Rossiya i musul'manskij mir*, 7: 28–32.
- Samarina T.S. 2018. Teoriya urovnei religioznosti v klassicheskoi fenomenologii religii [Theory of Levels of Religiosity in Classical Phenomenology of Religion]. *Religiovedenie*, v. 2, 2: 101–109. DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.101–109
- Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L., Yarlykapov A.A. 2020. Stanovyashcheesya nauchnoe soobshchestvo. Svodnyj portret issledovatelej rossijskogo islama [Forming a Scientific Community. A Consolidated Portrait of Researchers of Russian Islam]. *Polis. Political Studies*, 2: 122–136. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09
- Sergeeva A.N., (2016), Religiosity Private VS. Religiosity Public: Evolution of Religiosity in the Soviet Union / Russia. *Sociopolitical Sciences*, 3: 7–13.
- Shisheliakina A.L., Bobrov I.V. 2017. "Chuzhie" sredi "svoih": o praktikah nosheniya musul'manskogo platka v nemusul'manskom rossijskom regione. [Foreign Natives: on Practices of Wearing of a Muslim Headscarf in a non-Muslim Region of Russia]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2(37): 146–154.
- Solov'yov V.S. 1987. Po puti duhovnogo progressa. Nekotorye itogi povtornykh sociologicheskikh issledovaniy problem byta, kul'tury, nacional'nykh traditsij, ateizma, i verovaniy naseleniya Marijskoj ASSR [On the Way of Spiritual Progress. Some Results of Sociological Re-studies of Problems of Everyday Life, Culture, National Traditions, Atheism, and Beliefs of the Population of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 159 p.
- Weber M. 1990. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]: Trans. from Germ. Ed. by N. Davydov; Intr. by P. P. Gaidenko. Moscow, Progress, 808 p.

- Yakupov V. 2005. Islam v Tatarstane v 1990-e gody [Islam in Tataristan in the 1990th]. Kazan, Iman, 144 p.
- Yarlykapov A.A. 2006. “Narodnyi Islam” i musul'manskaya molodezh' Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [“Folk Islam” and Muslim Youth of the Central and Northwest Caucasus]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2: 59–74.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Received March 28, 2025

Поступила после рецензирования 24.08.2025

Revised August 24, 2025

Принята к публикации 29.08.2025

Accepted August 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кильдеев Мансур Вилевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и иностранных языков, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Казань, Россия.

Mansour V. Kildeev, Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor at the Department of Humanities and Foreign Languages, Kazan Institute of Cooperation, branch of Russian University of Cooperation, Kazan, Russia.